

Чжуан Фуцин отложил мотыгу, оперся на её деревянный черенок и, тяжело дыша, принялся ругать жену:

— Какой ещё бессмертный! Хуанпицзы — вот кто это был! — Он перевел дух и добавил: — А Эр-я у нас молодец, надо же, выучилась у даоса Сюя магическим искусствам. Даже хуанпицзы её испугались, она их всех перебила.

Чжуан Сяошэн молча взглянула на пять тушек ласок, лежавших на земле с отрубленными головами. Ей очень хотелось сказать: Папа, это ты их всех перерубил своей мотыгой. Она перевела взгляд на четверых, растянувшихся у порога, затем на труп дяди Лао Цая и его сына, и, приложив руку ко лбу, тяжело вздохнула.

Те четверо, что лежали у входа, даже не пошевелились, когда стая ласок топталась по ним туда-сюда. А уж сколько раз прошлись по сыну дяди Лао Цая, и говорить нечего — выжил ли он вообще, было большим вопросом.

Теперь она окончательно поверила, что в этой обители Баоань живым людям делать нечего. Даже если бы здесь не водились призраки, никто бы не выдержал такого: массовый психоз, да ещё и стая агрессивных ласок в придачу. Она до сих пор не понимала, как даос Сюй столько лет жил здесь вместе с Эр-я.

Труп Лао Цая в пылу схватки кто-то, видимо, перевернул, и теперь он лежал лицом вверх, выглядя пугающе. То ли от удара молнии, то ли от трупных пятен, но кожа его стала синей-черной, почти угольной. Рот широко раскрылся, зияя черной дырой, словно он собрался кого-то проглотить.

Чжуан Сяошэн посмотрела лишь мельком и больше не решилась.

Жена Чжуан Фуцина тоже перепугалась до смерти и всё повторяла:

— Что теперь делать? Что же теперь делать?

Лу Угуй вытащила из пачки талисман и наклеила его на лоб Лао Цая. Бумага удачно закрыла и лицо, и распахнутый рот, отчего покойник стал похож на зомби из гонконгских фильмов. Затем она нашла несколько листов желтой бумаги для похоронных обрядов, обмотала ими ноги мертвеца и, ухватившись за них, потащила тело к выходу. Изначально она хотела дотащить его до главного зала, но проход преграждали четверо лежащих, поэтому она просто бросила труп рядом с ними. Вытерев руки чистым листком бумаги, она спросила:

— Вы что, не устали? Я спать ложусь.

Чжуан Фуцин отозвался:

— Я... я буду караулить! Спите, вы трое.

Внезапно раздался звук открываемой двери.

Жена Чжуан Фуцина в испуге подпрыгнула и намертво вцепилась в руку мужа. Тот крепче перехватил мотыгу и крикнул:

— Что там такое?

Лу Угуй ответила:

— Это дверь в комнату дедушки открылась.

Лицо Чжуан Фуцина побелело, а его жена едва не разрыдалась.

Лу Угуй подошла к двери и увидела, что та медленно приоткрылась. Кто-то боязливо и дрожа высунул голову, озираясь по сторонам, и спросил её:

— Всё... всё... всё уже закончилось? — Глаза человека не мигая были прикованы к трупу и телам, лежавшим прямо перед Лу Угуй.

— Не знаю, — ответила та.

Увидев Чжуан Фуцина с мотыгой, человек воскликнул:

— Всё в порядке, всё хорошо! Фуцин вышел, значит, всё кончилось!

Дверь распахнулась, и на пороге показались пять-шесть человек.

Лу Угуй сказала:

— Сидите в комнате дедушки, не выходите, пока не рассветет.

Те, кто уже было собрался выйти, тут же попятились назад и продолжили выглядывать из-за двери.

Кто-то спросил:

— О... они ещё живы?

Лу Угуй не захотела отвечать и, повернувшись, легла спать.

Чжуан Фуцин поочередно ощупал лежащих:

— Все дышат, просто в обмороке. А сын Лао Цая так и лежит здесь, жив он или нет — непонятно. — Он предложил перенести его в другую комнату, но те в ужасе замахали руками, отказываясь.

Кто-то из них, глядя на сына Лао Цая, впал в отчаяние:

— Какое возмездие... он же под влиянием нечистой силы мать задушил! Полиция в такие дела с одержимостью не вникает...

Другой подхватил:

— Можно списать на психическое расстройство!

Люди в комнате принялись переговариваться. Чжуан Фуцин боялся спать, поэтому громко переговаривался с теми, кто укрылся в соседней комнате через просторный главный зал.

— Дядя Ин не раз предупреждал, что здесь живым людям нельзя жить, — жаловался он, — а вы из-за жадности всё равно лезли... Вот и дождались беды! Сами всё устроили, если теперь на меня вину попытаетесь свалить — это будет уже совсем за гранью справедливости.

Жена Чжуан Фуцина, немного придя в себя, добавила:

— Вот именно! Моя Эр-я у даоса Сюя магическим искусствам училась, даже бессмертных хуанпицзы прогнала! А их вон сколько было, пятерых вот даже насмерть забили...

Чжуан Сяошэн заметила, что Лу Угуй, чьи раны всё ещё кровоточили, уже успела задремать. Она поспешно растолкала её, спрашивая, где в доме спирт, чтобы обработать раны, и настаивала, что лучше прямо сейчас съездить в больницу в городке.

Лу Угуй не хотела никуда идти, но Чжуан Сяошэн была непреклонна, так что той пришлось достать из шкафа ящик со всякой всячиной.

Там обнаружили медицинский йод, бинты, лекарственная настойка от синяков, иглы с нитками для зашивания ран, противовоспалительные средства, лекарства от простуды и расстройства желудка — чего там только не было.

Чжуан Сяошэн отвела Лу Угуй в ванную, обтерла её влажным полотенцем, обработала раны жгучим спиртом и перевязала те места, где кровь шла сильнее. Когда Лу Угуй, переодевшись в чистое, вернулась в комнату, она увидела, что родственники Лао Цяя и его отец больше не разговаривают, а сидят на табуретках у входа и клюют носом.

Труп Лао Цяя и четверо родственников по-прежнему лежали у двери, мешая ей пройти. Она снова перетащила их в главный зал, вымыла руки и наконец легла спать.

Спала она недолго: те, кто был в обмороке, начали приходить в себя и поднимать крик. Люди, прятаясь в комнате деда, пытались их успокаивать. Каждый очнувшийся устраивал истерику, и так продолжалось всю ночь. Лу Угуй совсем не выспалась, а Чжуан Сяошэн и чета Чжуан и вовсе не сомкнули глаз.

Наступил рассвет. Едва стих шум, как в ворота въехали полицейские машины. Вскоре стало слышно, как люди кричат о приезде полиции, скорой помощи и судмедэкспертов, а вокруг собралась целая толпа зевак.

Гвалт стоял такой, что Лу Угуй не выдержала и встала. Выйдя из комнаты, она увидела, что во дворе народу больше, чем на ярмарке — люди пришли посмотреть на происшествие даже из соседних деревень.

Из их разговоров она поняла, что в выгребной яме за домом нашли утопленника. Вероятно, это был тот самый человек, который вчера грозился залить дедушкин дом нечистотами, а потом исчез.

Жена Лао Цая лежала во дворе — её задушили. Сына Лао Цая погрузили в машину скорой помощи. Еще один родственник, найденный у ворот без сознания, отправился туда же. Остальные были в таком шоке, что их родственники, прибежавшие на шум, рыдали и проклинали всё на свете. Кто-то кричал, что нужно звать мастера инь-ян, кто-то требовал дядю Ина.

Полиция оцепила место происшествия, проводила осмотр и опрашивала Чжуан Фуцина, его жену, Чжуан Сяошэн и родственников Лао Цая.

Вызвали и Лу Угуй, но кто-то из сельчан крикнул:

— Да она же дурочка!

Полицейский отвел Лу Угуй в пустую комнату и спросил:

— Ты знаешь, что случилось прошлой ночью?

Лу Угуй кивнула:

— Знаю.

— Рассказывай.

— В Диком горном логоу живут хуанпицзы. Дедушка их сдерживал, не пускал в деревню. А когда он умер, они пришли ко мне... — Не успела она договорить, как полицейский с хлопком закрыл блокнот.

— На самом деле там были хуанпицзы, я вчера нескольких убила, — добавила она.

Полицейский ответил:

— Дикие животные в поисках пищи могут заходить в деревни и конфликтовать с людьми. А то, что произошло вчера, называется массовым психозом, а не нашествием призраков. — Он вышел и пересказал эту версию собравшимся сельчанам, а уезжая, забрал с собой тела Лао Цая, его жены и того, кто утонул в яме.

Полиция и эксперты уехали, но зеваки не расходились. Многие даже забыли об обеде, обсуждая, что делать с теми, кто до сих пор не пришел в себя. Одни предлагали везти их в психиатрическую больницу, другие твердили, что у них души отлетели и нужно проводить обряд возвращения души, третьи настаивали на поиске даоса или Сяньнянпо.

Им было не до еды, а вот Лу Угуй проголодалась.

Получив от жены Чжуан Фуцина обед, она уселась за стол в полуразрушенном главном зале и

принялась жадно есть.

— Ну и дурочка, — шептались во дворе зеваки, — столько людей умерло, а она ест как ни в чем не бывало.

А Лу Угуй думала: умерли-то не мои родные.

Поев, она отдала миску жене Чжуан Фуцина и пошла досыпать.

Сквозь сон она почувствовала, как пришла Чжуан Сяошэн и прилегла рядом. Лу Угуй, которой стало жарко, как от печки, отползла в самый край и свернулась калачиком.

Они проспали до четырех часов вечера, пока жена Чжуан Фуцина не принесла ещё еды и не разбудила их.

Лу Угуй слышала, как та рассказывала, что родственники Лао Цая повсюду ищут мастеров инь-ян, но те, узнав, что всё случилось в обители Баоань, отказываются ехать. В итоге вся родня отправилась к дяде Ину. Ещё она сказала, что сын Лао Цая очнулся, но стал слабоумным, а мать его рыдает не переставая...

Комната Лу Угуй была испорчена, жить в ней было нельзя, поэтому жена Чжуан Фуцина постелила чистое белье на кровати даоса Сюя, и Лу Угуй перебралась туда.

После этого случая слухи о призраках в обители Баоань разнеслись не только по деревне Люпин, но и по всему городку. Похороны даоса Сюя прошли очень скромно, даже родственники Чжуан Фуцина не пришли, только Лу Угуй утром и вечером зажигала три палочки благовоний.

В день похорон Чжуан Фуцин пообещал каждому из родственников, кто согласится нести гроб, по восемьсот юаней в красном конверте, а дядя Ин нарисовал каждому защитный талисман. Только тогда они согласились отнести тело на гору и предать земле.

Никто из них не решился зайти в дом Лу Угуй, поэтому, согласно обычаю, поминальный обед Чжуан Фуцин заказал в ресторанчике в городке.

Чжуан Сяошэн купила в супермаркете два блока хороших сигарет, подарила по пачке каждому из дядьев и братьев, помогавших с похоронами, и долго благодарила их за помощь. Те били себя в грудь, обещая, что не дадут семью Чжуан в обиду.

Лу Угуй наконец-то получила мясо и, уткнувшись в тарелку, ела, не поднимая головы.

После обеда Чжуан Сяошэн отвела Лу Угуй в парикмахерскую, чтобы отмыть её волосы, которые за неделю превратились в сосульки, а потом они вернулись домой собирать вещи. Завтра нужно было успеть на автобус в полседьмого утра, чтобы успеть на самолет в девять вечера.

В доме Лу Угуй не было ничего ценного, кроме кровати и шкафа, которые даром никому не нужны, поэтому она взяла только одежду, купленную Чжуан Сяошэн, и кое-что из вещей,

оставленных даосом Сюем.

Чжуан Сяошэн сложила всё в одну дорожную сумку. Покончив с этим, она сказала:

— Завтра в шесть утра я приеду за тобой.

Лу Угуй подумала, взяла рюкзак с талисманами и артефактами и отправилась к Чжуан Фуцину. Она наклеила талисман грома в его доме, повесила зеркало багуа над входной дверью, а с тремя оставшимися талисманами пошла к дяде Ину.

Она отдала их ему и сказала:

— Чжуан Фуцин помогал мне убивать хуанпицзы, я не знаю, будут ли они ему мстить. Тот, кто не умеет пользоваться талисманом грома, не сможет его активировать, но вы умеете. Если они придут — используйте эти талисманы.

Дядя Ин долго смотрел на Лу Угуй, а потом кивнул:

— Талисман грома — вещь мощная, используй с осторожностью.

Лу Угуй достала чернильницу с нитью, протянула её дяде Ину и произнесла:

— Чернила закончились, а я не умею ею пользоваться, чтобы запечатывать гробы. Забирайте себе.

Дядя Ин вздохнул:

— Расточительница! Оставь, передам ученику.

Лу Угуй сделала вид, что не слышала про расточительность, застегнула рюкзак и ушла.

Ученик дяди Ина, выйдя из комнаты, проводил взглядом фигуру Лу Угуй, уходящую в закат, и спросил:

— Учитель, а эта чернильница...

Дядя Ин вздохнул:

— Говорят, она дурочка, а на самом деле всё понимает. — Он кивнул на чернильницу: — Забирай. И почаще заглядывай к Чжуан Фуцину, если что не так — помоги.

Вернувшись от дяди Ина, Лу Угуй поужинала у Чжуан Фуцина, а затем в предвкушении вернулась домой и рано легла спать.

На следующее утро она проснулась ещё до рассвета, едва запели петухи, умылась и с фонариком побежала к Чжуан Сяошэн.

Когда она пришла, жена Чжуан Фуцина уже готовила завтрак, а Чжуан Сяошэн и Чжуан Фуцин уже встали.

Увидев её, Чжуан Сяошэн спросила:

— А где твоя сумка?

Лу Угуй поняла, что от радости и предвкушения поездки в большой город совсем забыла про багаж. Пришлось бежать обратно.

После завтрака Чжуан Фуцин отвез их на своем трехколесном мотороллере на автовокзал. Лу Угуй никогда раньше не ездила на автобусе — дальше городка она не выбиралась, да и то на этом самом мотороллере. Она была в восторге, всё трогала, на всё смотрела. Через стекло она увидела, как жена Чжуан Фуцина вытирает слезы, а сам он стоит и машет им вслед.

— Сяошэн, присматривай за Эр-я, — кричала жена Чжуан Фуцина. — Если не справишься — привози обратно. Смотри за ней в оба, в большом городе людей много, потеряется — не найдешь!

Чжуан Фуцин нахмурился:

— Тьфу, каркаешь! Скажи что-нибудь хорошее! — А потом сказал Лу Угуй: — Эр-я, помнишь номер телефона мой и Сяошэн? Повтори-ка.

Лу Угуй молча продиктовала номер и ответила:

— Я не дурочка.

— Конечно-конечно, — закивал Чжуан Фуцин, — ты у нас очень умная.

Лу Угуй понимала, что он всё равно считает её не в своем уме, но ради поездки в большой город и полета на самолете решила не спорить.

Когда автобус тронулся, Чжуан Сяошэн усадила её поудобнее, запретив вертеться, высовываться в окно и вставать.

Сидевшая сзади женщина спросила:

— Твоя сестренка, небось, не в себе?

Лу Угуй с недовольным видом обернулась:

— У меня на лбу написано, что я дурочка?

Женщина рассмеялась:

— Похожа. Такая взрослая, а ведет себя как мой семилетний сын.

Чжуан Сяошэн слегка похлопала Лу Угуй по руке:

— Не обращай внимания.

Лу Угуй тихо прошептала ей на ухо:

— Сяошэн-цзе, если я буду вести себя сдержанно и не буду выказывать восторга, они не подумают, что я глупая?

— Ты в первый раз едешь так далеко, конечно, тебе любопытно, — ответила та. — Скоро это пройдет, не нужно притворяться, радуйся, если тебе радостно.

Через четыре часа они доехали до автовокзала. Чжуан Сяошэн, катя чемодан одной рукой и держа Лу Угуй за другую, вышла на улицу и поймала такси.

— В аэропорт, — сказала она водителю.

Лу Угуй показалось, что это звучит очень круто. Она решила больше не глазеть по сторонам, чтобы не казаться глупой, и тихо смотрела в окно. Она увидела, что всё совсем не так, как по телевизору: дома выше, улицы чище и просторнее.

В аэропорту они сдали багаж, оставив при себе только рюкзак с талисманами и сумочку Сяошэн, а потом пошли есть пиццу. Лепешка размером с блюдо набила её живот до отказа. После еды Сяошэн купила ей телефон, а потом — кучу местных деликатесов для друзей и коллег. Лу Угуй так облизывалась, что Сяошэн купила ей несколько пакетов вяленой говядины и конфет, чтобы она ела понемногу. Лу Угуй была на седьмом небе от счастья.

Затем они нашли кафе, заказали кофе с пирожными, и Сяошэн начала учить её пользоваться телефоном: как пользоваться навигатором, как искать информацию в интернете.

В самолете Лу Угуй смотрела в иллюминатор. Когда они поднялись в небо и она увидела россыпи огней ночного города, она надолго замерла, а потом вдруг почувствовала беспричинную грусть.

Когда они вернулись домой, было уже два часа ночи.

Первое впечатление от квартиры Сяошэн — чистота и красота. Деревянный пол, кухня за стеклянной перегородкой, никакой копоти, белые диваны, мягкие ковры, огромные шторы на всю стену и ноутбук на столике. Единственный минус — тесновато: в её комнате она могла сделать десять кувырков подряд, а здесь обязательно обо что-нибудь ударилась бы.

Чжуан Сяошэн достала тапочки:

— Сначала иди в душ, а после я обработаю твои раны. Завтра я на работу, вернусь не раньше шести-семи вечера. Холодильник пустой, только молоко и напитки. Я оставлю на столике деньги, ключи и карту от подъезда, завтра сама сходишь поешь — напротив дома торговый центр, на третьем этаже полно кафе, выберешь, что хочешь.

<http://bllate.org/book/19149/1880540>